

Брауншвейгский школьный устав 1528 года

При изучении истории Реформации в Германии одной из важнейших тем является развитие немецкого школьного образования. Значение этой темы обусловлено ролью школы в воспитании личности. Эта роль особенно возрастает в переходные исторические эпохи, когда речь идет о создании личности и общества, ориентированных на новые ценности, идеалы. К числу таких переходных эпох и относится эпоха Реформации.

Исследование развития школ должно опираться на источники различного происхождения и характера. О.Е. Кошелева подразделяет их на следующие группы: наследие педагогов (теоретиков и практиков); законодательные акты по развитию образования; материалы общественных организаций; документы учебных заведений [1, с.89]. При характеристике развития школы в эпоху Реформации одним из главных видов источников являются школьные уставы – документы, содержание которых определяло практику образования того времени. Вместе с тем важна и связь их с основными теоретическими положениями работ идеологов Реформации.

Прежде всего обратимся к содержанию самого понятия «школьный устав». «Педагогический словарь», подготовленный учеными ГДР, определяет его так: «В феодальном обществе – закон об образовании, содержащий организационные, педагогические и методические положения относительно школьного дела, учебного плана и заработной платы преподавателей». Первой унифицированной инструкцией назван Вюртембергский устав 1559 г., за которым последовали Брауншвейгский 1569 г. и Курзахский 1580 г. [2, S.336].

Однако авторы словаря не уделили должного внимания школьным уставам Германии периода до 1559 года. Может возникнуть впечатление, что в этой области с начала Реформации до появления Вюртембергского устава не было создано никаких значительных документов. Но более глубокое изучение вопроса не дает основания для таких выводов, позволяя уточнить время и причины создания школьных уставов новой эпохи.

Чтобы лучше представить значение первых реформационных школьных уставов, нужно вспомнить о том кризисе, который немецкое образование переживало в середине 20-х годов XVI века. В.А. Дятлов определяет господствовавшие в немецком обществе настроения как «полное нигилистическое отношение к учености» [3, с.249]. Такая ситуация была связана с распространением проповедей Андреаса Карлштадта, выступившего против академической образованности, за доверие к “народной мудрости” [3, с.245–249].

Трудно оценить эти события однозначно. С одной стороны, призывы Карлштадта способствовали распространению идей Реформации среди широких слоев населения, вовлекали последние в общественную борьбу, продолжали подрывать влияние католической церкви.

Проповеди, таким образом, содержали в себе демократические тенденции. И вполне понятно, что массовое сознание переносило все недостатки прежней системы образования, подчиненной католической церкви, на образование в целом – ведь иных систем пока не существовало. Однако уход молодежи из школ и университетов ослаблял позиции Реформации в борьбе с католицизмом – поскольку для успеха требовалось создать собственную прочную церковную организацию, – что тормозило развитие всего общества.

Стремясь преодолеть недоверие к роли образования, реформаторы создают произведения, посвященные вопросам организации школ, содержащие настойчивые призывы к обучению и воспитанию молодежи. Среди них выделяется послание Мартина Лютера “К советникам всех городов земли немецкой...” (1524 г.) [4]. Эти призывы, однако, необходимо было подкрепить созданием массовых школ на основах Реформации, чтобы приобщить к ней новые поколения и обеспечить успех в борьбе с католической церковью.

Раздробленность немецких земель не позволяла создать единообразный тип школ одновременно во всей стране. Инициативу проявили отдельные города, поддержавшие идеи Реформации. Первым среди них стал Брауншвейг, пригласивший в 1528 г. Иоганна Бугенхагена – теолога и проповедника, одного из наиболее деятельных сподвижников Лютера [5].

Это приглашение исходило от представителей совета города. Герцог Брауншвейг-Вольфенбюттеля Генрих придерживался католической ориентации. Еще в июле 1525 г., после подавления Крестьянской войны, он вошел в союз немецких католических князей, заключенный в Дессау [6, с.327]. Однако Брауншвейг, являясь членом Ганзы, мало уступал в самостоятельности имперским городам; кроме того, он был хорошо укреплен в военном отношении. Эти факторы позволили бюргерству пренебречь позицией герцога. С 20 мая до сентября 1528 года Бугенхаген находился в Брауншвейге [7, S.2]. Результатом его деятельности стало создание Брауншвейгского церковного устава, торжественно принятого советом и горожанами летом 1528 года [8, S.XLVI]. Отметим, что брауншвейгские цехи и гильдии участвовали в рассмотрении проекта устава перед его окончательным утверждением [9, S.142].

Брауншвейгский школьный устав включал в себя 11 разделов: «О школах», «Латинские школы для молодежи», «О жаловании в латинских школах», «О жилищах для школьного персонала», «О работе в школах», «О канторах в школе», «О роли учителей для молодежи», «О том, что школы следует проверять», «О немецких школах для молодежи», «О школах для девочек», «О пении и чтении школьников в церкви» [10, S.25–46]. Их анализ позволяет выделить такие важнейшие смысловые части устава:

- 1) обоснование роли обучения и воспитания молодежи;
- 2) вопросы организации школ и контроля за ними со стороны церковных и городских властей;

3) учебный план.

Аргументация Бугенхагена в пользу необходимости обучения неразрывно связана с вопросами религии: «Святая христианская правда, когда говорится, что крещением вручаем мы своих детей Христу... Однако же никто не думает, что нам приказано только крестить детей – напротив, их также нужно обучать, когда приходит время, как предписано крещением» [10, S.25].

Бугенхаген критически оценивает возможности обучения детей их родителями: «Дóма их (*детей* – С.К.) не обучают страху Божьему и заповедям, не заботятся, чтобы они учили Святое Евангелие Христа, которому ранее вручены в крещении... Оставившие Бога родители растят оставивших Бога детей» [10, S.25–26].

Сходные мысли выражены и в уже упоминавшемся послании Лютера: «То, что этим (*воспитанием детей* – С.К.) не занимаются родители, обусловлено разными причинами. Во-первых, некоторым не хватает для этого благочестия и чувства долга, хотя сил достаточно... Во-вторых, многие родители, к сожалению, неопытны и не знают, как нужно воспитывать и учить детей... В-третьих, даже если находятся умудренные опытом родители, которые хотят сами заниматься [воспитанием детей], то из-за других занятий и домашнего хозяйства у них нет ни времени, ни помещения для этого» [4, с.159].

Отсюда следует необходимость школьного обучения. При составлении устава Бугенхаген опирался на опыт уже существовавших школ. Однако в устройстве их предполагалось провести значительные преобразования.

Согласно уставу, городской совет и община принимали на себя материальное обеспечение учителей. Бугенхаген отмечает: «Мы хотим содержать в школах старательных, добросовестных и достаточно ученых помощников, а не неспособных и неразумных. Поэтому будет справедливо, чтобы им не позволялось жить как попрошайкам, а напротив – чтобы каждому выплачивали жалованье соответственно его значению» [10, S.29–30]. Жалованью и жилищам школьного персонала посвящены отдельные главы устава.

Видимо, размеры заработной платы не удовлетворяли в полной мере потребности учителей. Устав допускает практику дополнительных частных занятий, «если подмастерьям (*т.е. младшим помощникам учителя* – С.К.) необходимо больше заработать» – при условии выполнения основной работы в школе [10, S.32].

Источниками финансирования школ являются средства «общих касс», а также пожертвования горожан – родителей учеников [10, S.31].

Школа в Брауншвейгском уставе – неотъемлемая часть жизни общества и города. Поэтому общество, город должны принять на себя заботу о школе.

Одновременно община приобретала право назначения и смещения школьных учителей. В средневековой школе это право принадлежало ректору. Теперь же два раза в году специальная

школьная комиссия, в состав которой входили представители церкви – суперинтендент и адъютант, представители от пяти городских советов и от «общей кассы» церковного округа, проверяла состояние школ и выполнение всеми учителями требований устава [10, S.36].

Создавая учебный план латинских школ, Бугенхаген не был первопроходцем. В начале раздела «О работе в школах» он отмечает: «При открытии школ нужно в главном придерживаться того, что написал Филипп Меланхтон в книге “Наставление визитаторов священникам”» [10, S.32-33]. Лишь после этого упоминания Бугенхаген переходит к характеристике учебных дисциплин латинской школы.

Отдельное упоминание работы Меланхтона связано с ее значением для реформационной школы. В этом произведении (1528 г.) была разработана система трехклассного обучения в латинских школах, перечислялась учебная литература, отмечалась роль религии в воспитании молодежи [11]. Заслуга Меланхтона – забота о простоте и доступности обучения [12, с.57].

Содержащийся в «Наставлении визитаторов...» учебный план стал основой реорганизации школы во всей протестантской Германии. Именно он был использован Бугенхагеном при составлении ряда церковных уставов [13, S.136]. И первым из них стал Брауншвейгский устав. Главным предметом учебного плана в нем также является латинский язык, а методы его изучения соответствуют «Наставлению...».

Вместе с тем можно наблюдать существенное отличие между двумя планами. Для Меланхтона латинский язык – главный и единственный язык, который следует изучать в школе. Для Бугенхагена он тоже главный – но не единственный. В Брауншвейгском уставе оговорено: «Не повредит, если определенное время упражняться и слушать, как говорят по-немецки, чтобы не смешивать один язык с другим и не оставлять разговоров непонятыми» [10, S.33]. Это различие можно объяснить, если вспомнить: инструкция Меланхтона была адресована прежде всего священникам; Бугенхаген же работал в интересах города, где в повседневной жизни употреблялся немецкий язык. Таким образом, учебный план Бугенхагена не копирует работу предшественника; будучи шире по объему, он видоизменен применительно к местным условиям [14, с.116–117]. Здесь, в отличие от «Наставления...», предусмотрено создание т.н. «немецких школ», ориентированных на практические интересы бюргерства. Но и в этих школах важное место теперь принадлежит изучению основ христианской религии – Десяти заповедей и молитв [10, S.36].

Появление школьного устава было чрезвычайно важным событием в истории Брауншвейга. Отдельные учебные планы появлялись здесь еще с середины XIII в., когда возникли школы при монастырях св. Власия, Эгидия и Кириака [15, S.344]. Устав же 1528 г. охватывал все городское образование. Опираясь на предшествующие работы реформаторов, он был в то же время первым документом эпохи Реформации, сочетавшим педагогическую теорию с практикой. В этой работе проявился «организаторский талант Бугенхагена» [16, p.69] – деятеля, стремившегося учесть

реалии городской жизни, соединить уже имеющийся опыт школьного строительства с принципами Реформации.

Главным средством реализации этих принципов становятся латинские школы (в Брауншвейге – школы св. Мартина и св. Катарины). Новым явлением в их организации было усиление контроля со стороны городской общины.

При этом важно признание учительского труда именно трудом, который поручается специально приглашенным лицам в качестве их основной деятельности [10, S.28]. С объемом выполняемой работы напрямую связан размер заработной платы [10, S.29–31]. Наиболее подробно охарактеризована в уставе система вознаграждения учительского труда в латинских школах.

Эти школы позволяли как получить начальное образование, так и подготовиться к поступлению в университет. Наряду с изучением дисциплин «тривиума» (грамматика, диалектика, риторика) серьезное внимание уделялось религиозному воспитанию: в младших классах школьники учили молитвы, далее переходили к чтению Библии [10, S.32–33]. Важное место в программе обучения занимали музыка и церковное пение: регулярно занимаясь под руководством кантора в школе, ученики должны были исполнять изученные духовные гимны и в церкви [10, S.38–46].

Преобразование городских школ на реформационных началах – важное следствие принятия Брауншвейгского устава. Однако еще более важным представляется тот факт, что идеи устава вышли за пределы Брауншвейга. В последующие годы в городах протестантской Германии был принят ряд церковных уставов, составной частью которых были школьные уставы: Гамбургский 1529 г., Любекский 1531 г., Померанский 1535 г., Хильдесхаймский 1544 г. и другие [17, S.451]. Во многих пунктах эти документы практически дословно повторяли Брауншвейгский устав [7, S.8–9]. Это можно объяснить как участием Бугенхагена в их составлении, так и сходным с Брауншвейгом развитием этих северогерманских городов.

Перечисление уставов, созданных под влиянием Брауншвейгского, позволяет исследователям рассматривать последний как образец, выделяя целый «бугенхагенский тип церковного устава» – «общинно-пресвитерскую линию» [5, S.362]. Устав 1528 года определил развитие лютеранской церкви на несколько десятилетий вперед и заложил основы новой немецкой школы.

Литература

1. Кошелева О.Е. Заметки об историко-педагогическом исследовании // Советская педагогика. – 1991. – № 6. – С.85–90.
2. Schulordnung // Pädagogische Wörterbuch. – Berlin, 1987. – S.336.
3. Дятлов В.О. «В ім'я Бога і загального добра». Нижчі верстви населення німецького міста і Реформація. – Чернігів, 1997. – 351 с.
4. Лютер М. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы // Лютер М. Время молчания прошло: Избранные произведения 1520–1526 гг. – Харьков, 1994. – С.153–177.
5. Holfelder H.H. Bugenhagen // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 7. – Berlin; New York, 1993. – S.353–363.
6. Голубкин Ю.А. Из любви к истине // Лютер М. Время молчания прошло. – С.227–332.
7. Scholz A. Bugenhagens Kirchenordnungen in ihrem Verhältnis zueinander // Archiv für Reformationgeschichte. 10.Jg. – Leipzig, 1913. – S.1–50.
8. Koldewey F. Einleitung I. Entwicklung des Schulwesens in der Stadt Braunschweig // Monumenta Germaniae Paedagogica. Bd. 1. – Leipzig, 1886. – S.XV–CLXIII.
9. Krumwiede H.-W. Braunschweig I // Theologische Realenzyklopädie. Bd. 7. – S.141–152.
10. Schulordnung aus der Kirchenordnung der Stadt Braunschweig // Monumenta Germaniae Paedagogica. Bd. 1. – S.25–46.
11. Меланхтон Ф. Наставление визитаторов... // Европейская педагогика от античности до Нового времени: Исследования и материалы. Ч. 3. – М., 1994. – С. 58–64.
12. Голубкин Ю.А. Филипп Меланхтон и его «Наставление визитаторов» // Европейская педагогика от античности до Нового времени. Ч. 3. – С. 54–58.
13. Neuß E. Melanchthons Einfluß auf das Gymnasialschulwesen der mitteldeutschen Städte im Reformationszeitalter // Philipp Melanchthon. Humanist, Reformator, Praeceptor Germaniae. Bd.1. – Berlin, 1963. – S.110–137.
14. Циглер Т. Руководство по истории педагогики. – Пг.–К., б.г. – VIII, 501 с.
15. Hüllmann K.P. Stadtwesen des Mittelalters. T. 4. – Bonn, 1829. – 408 S.
16. Chadwick O. The Reformation. – London, 1970. – 469 p.
17. Schindel U. Die „auctores“ im Unterricht deutschen Stadtschulen im spät Mittelalter und in der frühen Neuzeit // Studien zum städtischen Bildungswesen des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit. – Göttingen, 1983. – S.430–452.